

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Должно быть, деревья связаны с закатом. Когда приходят Охотники, они всегда пытаются сбежать. Девушки, опытные ковательницы, изготавливают железные колышки и вбивают их в корни, в землю, чтобы закрепить на месте. Из нас двоих никто не обладает даромковки, и мы с Борокой тянем длиннющую верёвку, запутывая все деревья на нашем пути неуклюжими петлями и узлами. Когда мы заканчиваем, это сплетение похоже на паутину какого-то гигантского существа, что-то такое, что мог бы породить лес. Эта мысль вызывает у меня дрожь. Что бы ни прорвалось сквозь границу деревьев, оно не будет хуже Охотников.

— Как думаешь, кто это будет? — спрашивает Борока.

Свет заходящего солнца струится сквозь заплатанный купол древесного покрова, покрывая её лицо пятнами. В уголках её глаз прячутся жемчужинки слёз.

— Вираг, — отвечаю я. — Если повезёт.

Губы Бороки изогнулись.

— Хотя, думаю, на полпути Охотники устанут от её болтовни о погодных знамениях да и сбросят в Чёрное Озеро.

— Ты же не всерьёз это.

Конечно, не всерьёз. Никому я не пожелаю столкнуться с Охотниками, сколько бы меня ни пороли, как бы жестоко ни ругали, сколько бы часов я ни выковыривала холодный гуляш из вчерашних кастрюль. Но проще было не любить Вираг, чем волноваться о том, что я могу потерять её.

Ветер усиливается, донося до нас голоса других девушек – серебристый звон, совсем как у костяных колокольчиков, висящих у хижины Вираг. Они поют, чтобы усилить свой дар ковки, как это делал великий герой Вильмёттен, когда создавал меч богов. А когда песня затихает, стихает и звон их стали. Почти не осознавая, ядвигаюсь к ним, чувствую, как качнулись лук и колчан со стрелами у меня за спиной. Вместо того чтобы слушать их слова, я смотрю на их руки.

Они потирают ладони, сначала осторожно, потом всё более яростно, словно собираются содрать с себя кожу. К тому времени, как песня заканчивается, в руках у каждой девушки – небольшой железный кол, такой же гладкий и крепкий, как те, что могли бы выйти из пылающего кузнечного горна. Борока замечает мой взгляд... замечает мою тоску оставленности, которую видела у меня на лице уже сотни раз. Шепчет:

– Не обращай на них внимания.

Ей-то легко говорить. Если бы бог-отец Иштен прямо сейчас обратил бы свой улыбающийся лик к лесам, то увидел бы вылинявшую серую и желтовато-коричневую радугу, размазанную по зелёным зарослям ежевики. Их волчьи плащи мерцают даже в угасающем солнечном свете, и отдельные волоски кажутся почти прозрачными. Зубы мёртвых животных, всё ещё полностью целые, образуют арку над головой каждой девушки, словно зверь собирается их съесть. Волчий плащ Бороки – цвета белёной охры, цвета целительницы.

Но если бы Иштен посмотрел на меня, то увидел бы плащ из простой шерсти, тонкий, небрежно мною залатанный. Я всегда чувствую унижительную тяжесть этого плаща, словно облачена в собственную неполноценность. Поворачиваюсь к Бороке, чтобы ответить, но тут же слышу за спиной приглушённое хихиканье, и в нос ударяет запах чего-то горелого.

Резко разворачиваюсь; мои волосы охватывает голубое пламя. Едва сдерживаю крик. Мои бессильные руки взлетают вверх потушить огонь. Всё, что они хотят от меня, — распахнутые от ужаса глаза, — и они это получают. Огонь гаснет прежде, чем я успеваю осознать это, и я быстро направляюсь к Котолин и её прислужницам.

— Мне ужасно жаль, Ивике, — говорит Котолин. — Дар творения огня трудно освоить. Должно быть, у меня рука соскользнула.

— Как жаль, что даже столь простой дар тебе так трудно освоить, — огрызаюсь я.

Мой ответ вызывает лишь новый взрыв смеха. Капюшон Котолин натянут на голову, волчья пасть искривлена в уродливом оскале, глаза — стеклянные, слепые. Её плащ точно такого же цвета, как и её волосы, — белый, словно брюхо карпа, или, если говорить мягче, — как первый зимний снег. Это цвет видящей.

Мне хочется сорвать её белоснежный плащ, заставить её смотреть, как я тащу его по грязному руслу реки. Крохотная немая часть меня хочет набросить этот плащ на плечи, но я знаю, что буду чувствовать себя просто обманщицей.

— Может, и так, — отвечает Котолин, пожимая плечами. — А может, другая девушка будет творить для меня огонь, как только я стану *тальтош* нашего селения.

— Вираг пока не умерла.

— Но, конечно, тебе я этого не поручу, Ивике, — продолжает Котолин, проигнорировав мои слова. — Это должен быть кто-то, способный зажечь больше, чем просто искорку.

— И исцелить больше, чем просто занозу, — добавляет Ихрис, одна из самодовольных членов её стаи.

— Или выковать хотя бы швейную иглу, — говорит Жофия, другая девушка из стаи.

— Оставьте её в покое, — заявляет Борока. — Никто из вас не должен быть таким жестоким, особенно в День Охотника.

Честно говоря, они не более жестоки, чем обычно. И, конечно же, они правы, но я никогда не доставлю им такого удовольствия — не признаю и даже не вздрогну, пока они будут перечислять мои неудачи.

— Но Ивике-то в День Охотника беспокоиться не о чем, правда же? — ухмылка Котолин, белозубая, злорадная — совершенное отражение волчьего оскала на её капюшоне. — Охотники забирают только девушек, наделённых магией. Жаль, что ни один из даров её матери ей самой не передан, иначе мы могли бы избавиться от неё раз и навсегда.

Слово «мать» обжигает сильнее синего пламени.

— Ты бы заткнулась.

Котолин улыбается, но, по крайней мере, молчит.

Если как следует подумать, мне её почти жаль. В конце концов, её белый плащ дарится, а не заслуживается — и я знаю, насколько отвратительными могут быть проявления дара видящей. Но я не желаю проявлять к ней какую-либо жалость, учитывая, что сама она мне никогда не сочувствовала.

Борока кладёт руку мне на плечо. Её хватка поддерживает и вместе с тем сдерживает. Я напрягаюсь под её касанием, но не подаюсь ближе к Котолин. И её

глаза, бледные, как река подо льдом, сверкают от осознания окончательной победы. Она разворачивается и уходит, плащ развеивается за ней. Ихрис и Жофия следуют за ней.

Дрожащими руками я тянусь к луку за спиной.

Остальные девушки проводят дни, оттачивая свою магию и практикуясь в фехтовании. Некоторые обладают всеми тремя дарами. Некоторые, как Борока, освоили только один дар, зато невероятно хорошо. В ковке и в сотворении огня она так же бесполезна, как я, зато лучше всех в селении умеет исцелять. Но во мне нет ни единого проблеска божественной магии, и я вынуждена охотиться вместе с мужчинами, которые всегда наблюдают за мной с неловкостью и подозрением. Моя жизнь не была лёгкой, но зато я стала исключительным стрелком.

Но это ничего не меняет, не исправляет того факта, что я — бесплодна, единственная девушка в Кехси, нашем селении, у которой нет никаких талантов ни к одному из даров. Никаких благословений Иштена. Все перешёптываются у меня за спиной, и у каждого есть свои предположения о том, почему боги обошли меня стороной, почему их магия не влилась в мою кровь, не высечена по белизне моих костей. Я больше не желаю слышать этого.

— Не надо, — просит Борока. — Ты только сделаешь всё хуже...

Мне хочется рассмеяться, спросить её, куда уж хуже... что они в самом деле — ударят меня? Поцарапают? Обожгут?

Всё это они уже делали, и ещё многое другое. Однажды я совершила ошибку, смахнула одну из колбасок Котолин с праздничного стола. Без колебаний и угрызений совести она направила на меня завесу пламени.

После этого я целый месяц угрюмо обходила селение, ни с кем не говоря, пока у меня снова не отросли брови.

На левой брови у меня до сих пор осталась крохотная проплешина, покрытая рубцовой тканью.

Накладываю стрелу на тетиву и натягиваю лук. Котолин — идеальная цель, невероятная снежная гора в золотисто-зелёной дымке позднего лета, такая яркая, что аж в глазах щиплет.

Борока издаёт ещё один сдавленный возглас протеста, но я пускаю стрелу. Та проносится мимо Котолин, взъерошив белый мех её волчьего плаща, и скрывается в чёрных зарослях терновника. Котолин не кричит, но я вижу, как на её лице отражается неприкрытая паника, прежде чем страх превращается в возмущение и гнев. Вот и всё, этим мне и придётся удовлетвориться — но всё же лучше, чем ничего.

И тут Котолин бросается ко мне, раскрасневшаяся, разъярённая под своим волчьим капюшоном. Я крепко удерживаю лук одной рукой, а другой лезу в карман плаща, ища свернувшуюся там косу. Волосы матери тёплые и под пальцами кажутся шёлковыми, хоть и были отделены от её тела больше пятнадцати лет назад.

Прежде чем Котолин успеваешь приблизиться, по лесу разносится голос Вираг — такой громкий, что спугивает птиц из гнёзд.

— Ивике! Котолин! Сюда!

Губы Бороки сжимаются в тонкую линию.

— Похоже, ты заслужила порку.

— Или ещё что похуже. — Желудок сжимается при одной мысли. — Она прочтёт мне мораль с очередным своим сказанием.

А может, и то и другое. В Дни Охотника Вираг особенно злобная.

Котолин пронесется мимо меня, приложив ненужную силу — наши плечи болезненно сталкиваются. Я не реагирую на это пренебрежение, потому что Вираг наблюдает за нами обеими своим ястребиным взглядом, и венка на лбу старухи пульсирует особенно сильно. Борока берёт меня за руку, мы выбираемся из леса и направляемся к Кехси вдалеке. Деревянные хижинки с тростниковыми крышами похожи на чёрные отпечатки пальцев на фоне заката. Позади нас лес Эзер Сем издаёт свои привычные звуки — что-то, похожее на громкий выдох, а потом — звук, словно кто-то пытается отдышаться, вынырнув из-под толщи воды. Эзер Сем едва ли похож на другие леса Ригорзага. Он больше, чем все они, вместе взятые, и в его чащобе бьётся сердце. Деревья обычно могут выпростать свои корни, когда чувствуют опасность или даже когда кто-то слишком сильно треплет их ветки. Одна девушка как-то случайно подохла деревце, и целая роща вязов ушла в знак протеста, оставив селение беззащитным перед ветрами и Охотниками.

И всё же мы любим наш капризный лес, в том числе и потому, что он защищает нас. Если больше десятка мужчин одновременно попытаются прорубить себе путь, деревья не просто уйдут — намного хуже. Мы принимаем меры предосторожности только для наших самых трусливых дубов и самых робких тополей.

Когда мы приближаемся, я вижу, что Кехси полон света и звуков, как и всегда на закате. Однако теперь у этого другой оттенок, в котором есть что-то неистовое. Группа юношей собрала наших тощих коней, до блеска вычистила им шерсть и заплела гривы, как у скакунов Охотников. Наши кони не такие родовитые, как королевские, но чистить их легко. Юноши опускают взгляды, когда я прохожу мимо, и даже их

кони смотрят на меня со звериным подозрением. Горло у меня сжимается.

Некоторые девушки и женщины полируют свои клинки, тихонько напевая. Другие бегают за детьми, проверяя, нет ли у них на туниках пятен, а на кожаных сапожках — дырок. Мы не можем позволить себе выглядеть голодными, слабыми или напуганными. До меня доносится запах гуляша из чьего-то горшка, и желудок тоскливо сжимается. Мы не будем есть, пока Охотники не уйдут.

Пока не станет на один голодный рот меньше.

Слева возвышается старая хижина моей матери, похожая на массивный могильный камень, тихий и холодный. Сейчас там живёт другая женщина с двумя детьми, уютящимися у того же очага, где когда-то уютилась моя мать со мной. Так же они слушают, как дождь стучит по тростниковой крыше, когда летние бури ревет среди ветвей, и так же считают удары между раскатами грома. Я помню особенный изгиб маминой щеки, когда молнии прорезали небо и вспышки озаряли её.

Это — старая хижина, но она словно то и дело вскрывающаяся болящая рана. Я снова касаюсь маминой косы, пробегаю по ней пальцами вверх-вниз. Её контуры — как холмы и долины Сарвашвара. Борока крепче сжимает мою руку и тянет меня следом.

Когда мы подходим к хижине Вираг, Борока подаётся вперёд и обнимает меня. Я обнимаю подругу в ответ, чувствую под ладонями шерсть её волчьего плаща.

— Увидимся позже, — говорит она. — На пиру.

Голос у неё тихий, напряжённый. Мне нечего бояться — меня не заберут, — но это не значит, что так легко смотреть на Охотников. Мы все молча считали, строили предположения... Сколько девушек? Каковы шансы, что Охотник приметит твою мать или сестру,

дочь или подругу? Может, мне в самом деле повезло — мне терять почти нечего.

И всё же, так хочется сказать Бороке, как же я чертовски рада, что у меня есть хоть одна подруга. Она ведь могла бы держаться подле Котолин — ещё одно жестокое безликое тело в волчьем плаще, бросающее колючие слова. Но при этой мысли я чувствую себя маленькой и жалкой, словно собака, вынюхивающая землю в поисках упавшей еды. Вместо этого я сжимаю руку Бороки и смотрю ей вслед, чувствуя, как в груди стало тесно.

Хижина Вираг стоит на окраине селения, достаточно близко, чтобы лес мог протянуть руку и коснуться её кончиками узловатых пальцев. Деревянные стены хижины изъедены термитами и покрыты коркой лишайника, а тростниковая крыша — хлипкая, древняя. Дым валит из дверного проёма густыми серыми облаками, и от этого у меня слезятся глаза. Её костяные колокольчики яростно звенят, когда я переступаю порог, но я слишком невнимательно слушала её истории, чтобы понять, доброе это предзнаменование или дурное. Весть от Иштена или предупреждение от Эрдёга. В любом случае я никогда не была уверена, что кто-либо из них смотрит на меня с благосклонностью.

Котолин уже внутри, сидит, скрестив ноги, рядом с Вираг. Жарко горит очаг, и комната полна плотного древесного дыма. Мой соломенный матрац втиснут в углу, и мне противно, что Котолин видит его, эту небольшую постыдную вещь, которая принадлежит мне, и только мне. Травы, украшающие деревянные полки Вираг, я собирала сама, ползая на животе по лесной подстилке и проклиная её с каждым вздохом. Сейчас Вираг манит меня к себе, сжимая все шесть пальцев своей иссохшей руки.

В отличие от других девочек, видящие помечены с рождения — белые волосы или лишние пальцы, или ещё какая-нибудь странность. У Вираг даже есть дополнительный ряд зубов, острых, как иглы, воткнутых в её дёсны, словно галька в грязном русле реки. Котолин, конечно, удалось избежать этих унижений.

— Подойди, Ивике, — говорит Вираг. — Мне нужно заплести волосы для церемонии.

Сам факт, что она называет это *церемонией*, заставляет меня вспыхнуть от гнева. С тем же успехом она бы могла назвать это погребальным обрядом. И всё же я прикусываю язык и сажусь рядом с ней, перебираю пальцами спутанные пряди её волос, побелевшие от силы и вечности. Вираг почти такая же старая, как сам Кехси.

— Напомнить вам, зачем приходят Охотники? — спрашивает Вираг.

— Я хорошо знаю эту историю, — скромно отвечает Котолин, и я бросаю на неё хмурый взгляд. — Мы слышали её уже раз сто.

— Тогда услышите в сто первый, дабы не забыть, почему Кехси стоит, одинокий и незапятнанный, в королевстве, поклоняющемся новому богу.

Вираг питает слабость к нездоровому драматизму. По правде говоря, Кехси — одно из горстки небольших селений, разбросанных по всему Эзер Сему, полосе почти непроходимого леса, отделяющей нас от наших сестёр и братьев. Однако Кехси лежит ближе всего к опушке леса, и потому лишь мы несём бремя Охотников. Я завязываю косы Вираг полоской кожи, подавив желание поправить её.

Я могла бы процитировать всю её историю на память, с теми же паузами и интонациями, с той же мрачной торжественностью в голосе. Больше века назад все в Ригорзаге поклонялись нашим богам. Иштену, богу не-

бес, сотворившему полмира. Хадак Уре, направлявшему руку каждого воина в смертоносном ударе. И Эрдёгу, богу Подземного Мира, которого мы неохотно признаём создателем более неприятной половины мира.

А потом появилась Патрифидия, которую принесли солдаты и святые мужи, шедшие на север от полуострова Веспасиан. Мы рассказываем об этом как о болезни, и этим недугом король Иштван был поражён сильнее прочих. Подстёгиваемый своей зарождающейся фанатичной преданностью, он распространил Патрифидию по всем четырём регионам Ригорзага, убивая любого мужчину, любую женщину, которые отказывались поклоняться Принцепатрию. Последователи старых богов, которых теперь называли новым насмешливым прозвищем «язычники», бежали в лес Эзер Сем, построив небольшие селения, где они надеялись сохранить свою веру в мире, вооружённые магией древних богов.

— Пожалуйста, Вираг, — прошу я. — Не заставляй меня снова это слушать.

— Тише, — упрекает она. — Имей терпение великого героя Вильмёттена, когда он плыл вдоль длинного потока на Крайний Север.

— Да, тише, Ивике, — злоратно осекает меня Котоллин. — Некоторых из нас очень волнует история нашего народа. *Моего* народа...

Вираг обжигает её взглядом, заставляя замолчать прежде, чем я брошусь на неё и покажу, как сильно могу ей навредить, с магией или без. Почти невольно моя рука скользит в другой карман плаща, и кончиками пальцев нащупываю рифлёные края золотой монеты, спрятанной внутри. В этот краткий миг я по-настоящему люблю Вираг, несмотря на все шрамы от её порок, оставшиеся у меня на бёдрах.